

СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, ПУБЛИКАЦИИ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

М. Рожкова

Настоящий очерк посвящён тому периоду истории русской промышленности, когда формировалась капиталистическая мануфактура и когда появились первые попытки устройства фабрик, основанных на применении вольнонаёмного труда, машин и паровых двигателей.

Этот первый шаг перехода от мануфактуры к фабрике, относящийся ко второй половине 20-х годов XIX в., лучше всего изучать на примере Москвы, являвшейся центром текстильной, по преимуществу хлопчатобумажной, промышленности. Москва раньше других районов страны начала вводить в действие машины, если не считать весьма ограниченного применения машин в казённой промышленности (Александровская мануфактура) и на отдельных фабриках в районе Петербурга.

В настоящей статье автор ограничивается анализом московской мануфактуры в первой четверти XIX в. и появлением первых фабрик.

В 1814 г., после восстановления промышленности, разорённой войной 1812 г., в Москве было 253 предприятия, на которых работало 27 314 рабочих. По всей России в это время было 3727 предприятий обрабатывающей промышленности с общим количеством рабочих в 169 516 человек. Московские мануфактуры составляли около 7% всех русских промышленных предприятий, занимая 16%, или примерно шестую часть, всех рабочих России¹. Уже эти данные показывают, что Москва была центром относительно крупной промышленности: в среднем на каждой московской мануфактуре работало больше рабочих, чем на каждом предприятии России в целом, например, на одной суконной мануфактуре в России в среднем работало 210 человек, в Москве — 341,

на одной шёлковой в России — 59, в Москве — 104; на одной хлопчатобумажной в России — 92, в Москве — 223. Московские мануфактуры были значительно крупнее мануфактур других районов страны.

В Москве сосредоточивалась очень большая часть русской текстильной промышленности: суконная промышленность Москвы занимала 13% рабочих всей русской суконной промышленности, шёлковая — 47%, хлопчатобумажная — свыше 37%. Москва была также средоточием позументной промышленности. То же можно сказать и о красильной и красочной промышленности. Остальные отрасли промышленности в Москве занимали ничтожное место, а некоторые, как полотняная, канатная, фаянсовая, фарфоровая, хрустальная, стеклянная, табачная, не были представлены вовсе.

Внутри промышленности самой Москвы отдельные отрасли имели следующий удельный вес:

Отрасли промышленности	Число рабочих	%
Суконная и шерстяная	6 486	23,8
Шёлковая	4 369	16,0
Хлопчатобумажная (ткацкая и набивная)	14 749	54,0
Позументная	378	1,4
Шляпная	495	1,8
Металлообрабатывающая	151	0,5
Кожевенная	214	0,8
Сахарная	128	0,5
Остальные	344	1,2
	27 314	100

Таким образом, текстильная промышленность (суконная, шёлковая и хлопчатобумажная, вместе взятые) составляла по количеству занятых рабочих почти 94% всей московской промышленности, а на все остальные отрасли приходилось только 6%. Поэтому Москву этого периода мы рассматриваем как центр текстильной промышленности империи.

В 1814 г. в русской обрабатывающей промышленности было рабочих²:

¹ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.».

² «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.».

в России в Москве в %

В суконной пром.	4 044	871	21,5
» хлопчатобумаж.	21 397	10 047	47,0
» шёлковой	1 110	521	47,0

	Помещичьих крепостных	% %	Приписных	% %	Вольнонаёмных	% %	Всех
В России . . .	34 187	20,2	35 570	21	99 761	58,8	169 516
В Москве . . .	—	—	518	1,9	26 796	98,1	27 314

Мы видим, что в Москве вовсе отсутствовали крепостные рабочие, приписные составляли менее 2%, так что можно сказать, что московские мануфактуры пользовались почти исключительно вольнонаёмным трудом³. Из 518 приписных рабочих 318 работали на хлопчатобумажной фабрике купца А. Грачёва, где, кроме этих 318 рабочих, было ещё 648 вольнонаёмных⁴.

Мануфактура Грачёва происходила из старой посессионной мануфактуры⁵, и приписные рабочие достались ему как наследие этой мануфактуры. Они составляли только третью часть рабочей силы предприятия, другие две трети были рабочими вольнонаёмными. Остальные 200 приписных рабочих были заняты на нескольких суконных мануфактурах.

Перейдём к вопросу о социальном составе фабрикантов и о размерах мануфактур. Начнём с хлопчатобумажного (ткацкого и набивного) производства, как самого развитого в Москве. Московские хлопчатобумажные мануфактуры по своим владельцам разделялись следующим образом: из 66 мануфактур — 49 купеческих, 3 дворянских, 8 крестьянских и 6 принадлежало иностранцам⁶. Отсюда ясно, что в Москве господствовала купеческая мануфактура.

По своим размерам московские хлопчатобумажные мануфактуры делились так: мануфактур, занимавших свыше 1000 рабочих, было 2, от 500 до 1000 — 4, от 200 до 50 — 6, от 100 до 200 — 11, от 50 до 100 — 12, от 20 до 50 — 14, от 10 до 20 — 9 и от 1 до 10 — 8⁷.

На двух самых крупных мануфактурах работало 7212 рабочих, а на следующих четырёх — 2798. Таким образом, шесть фаб-

³ Когда мы говорим о вольнонаёмных рабочих, мы разумеем под ними таких рабочих, которые не были крепостными владельца мануфактуры и не были приписаны к мануфактуре. Подавляющая часть этих рабочих, при наличии некоторого количества мешан, принадлежала к сословию государственных или помещичьих крестьян. Эти оборочные крестьяне, не будучи вовсе свободными, вольными людьми, по отношению к владельцу мануфактуры были юридически свободны и работали на предприятии по вольному найму.

⁴ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 226.

⁵ Туган-Барановский М. «Русская фабрика», стр. 55—56. 1926; Любомиров П. «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России». «Исторический сборник» № 5 за 1936 г., стр. 73.

⁶ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 224—238.

⁷ Там же.

рикантов имели 10 010 рабочих, что к общему числу рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности Москвы, составляло 67,9%. Из этих данных видна огромная концентрация капиталов в этой отрасли промышленности. Обратимся к наиболее крупным мануфактурам. Первой из таких надо назвать предприятие мануфактур-советника Г. Чорокова⁸ с братьями. Чороковы имели в Москве две хлопчатобумажные мануфактуры. На одной из них работало 5968 рабочих, на другой — 210⁹. Это огромное предприятие занимало 41,9% рабочих всей хлопчатобумажной промышленности Москвы. К этому ещё нужно прибавить, что Чороков имел две хлопчатобумажных мануфактуры во Владимирской губернии, одна из них, в г. Юрьеве, была довольно крупная: на ней работало свыше тысячи рабочих и было 1100 ткацких станков¹⁰. Другая мануфактура находилась в сельце Чуринове, Шуйского уезда, и занимала 1071 рабочего (при 813 станках). Сверх этих мануфактур фабрикант Чороков имел ещё сахарный завод в Москве, на котором работало 45 рабочих¹¹. Так что все предприятия Чорокова, вместе взятые, занимали 22 с лишним процента рабочих хлопчатобумажной промышленности всей России, или, иначе говоря, больше пятой их части.

В списке именитых граждан и московских купцов первой гильдии 1799 г. Григорий Чороков числится купцом первой гильдии, живущим собственным двором в Хамовнической слободе и имеющим 16 тыс. руб. собственного капитала¹². В списке именитых граждан, гостей и купцов первой гильдии 1805 г. мы опять встречаем гостя Григория Чорокова. В это время он имел также дом в Гжатске и миткалевую и платочную фабрику в Москве¹³. Значит мануфактура Чорокова возникла не позднее 1805 года. Имя купцов Чороковых было широко известно в первой четверти XIX века. Мануфактура их процветала и быстро развивалась. В конце 1812 г. министр внутренних дел Козодавлев писал московскому военному губернатору Радолюнину: «По слухам, дошедшим сюда из Москвы, уведомился я, что из состоящих в сей столице фабрик и заведений некоторые сохранились от всеобщего разо-

⁸ Фамилия эта в разных источниках пишется по-разному: Чороков, Чаронов, Чероков, Чориков.

⁹ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 225.

¹⁰ Там же, стр. 202.

¹¹ Там же, стр. 207.

¹² Там же, стр. 341.

¹³ «История московского купеческого общества». Т. V. Вып. III, стр. 81.

¹⁴ Там же. Т. II. Вып. I, стр. 102 и 103.

рения. К числу таковых принадлежит, как сказывают, известная фабрика Чорокова, и что на оной опять началось выработывание нанки, миткалей, кисей, платков и тому подобных изделий, и каковых поныне уже изготовлено до 8 тыс. кусков»¹⁵. Действительно, в 1812 г. у Чороковых в Москве на 1711 станах работало 2675 рабочих, которые выработывали 1121 тысячу аршин материи в год¹⁶.

Трудно представить себе, чтобы в Москве во втором десятилетии XIX в. было такое предприятие, на котором работало бы 6 тыс. рабочих, так как для помещения их нужно было несколько огромных зданий. В действительности такой крупной мануфактуры и не существовало, так как братья Чороковы часть пряди раздавали по деревням¹⁷. Таким образом, их мануфактура в какой-то неизвестной нам части, а может быть и в большей части, была раздаточной конторой.

Купцы Чороковы принимали активное участие в борьбе русских мануфактуристов за введение и сохранение покровительственных и запретительных тарифов. Их подписи встречаются под многочисленными прошенными об установлении в России прочной запретительной системы, поданными представителями русской буржуазии министрам внутренних дел и финансов за период с 1811 г. до середины 20-х годов. Один из братьев Чороковых, Иван Пестрович, подал в 1823 г. индивидуальное прошение. В этом прошении он писал: «1812 год во время нашествия неприятельского многие города и селения, даже и самая древняя столица сожжена, и вся Россия потеряла довольно значительное разорение. Но не было так чувствительно разорение фабрик и всеобщей коммерции, как страдает вся торговля и фабрики после всеобщего разрешения привоза иностранного»¹⁸.

В дальнейшем судьба мануфактуры Чорокова такова. Во время подъема, который охватил русскую текстильную и в первую очередь московскую промышленность во второй половине 20-х годов, Чороковы остаются в тени. Они не упоминаются в числе передовых фабрикантов, которые начали в это время вводить на своих предприятиях машины. В начале 40-х годов у сыновей Г. Чорокова были две фабрики в Москве, в Лефортовской части: на одной (ткацкой) работало 97 рабочих, на другой (набивной) — 239; машины на обеих фабриках (в общей сложности четыре) приводились в движение конными приводами, паровые двигатели отсутствовали¹⁹. Так что эта когда-то цветущая

и известная во всей стране мануфактура заняла очень скромное место в ряду хлопчатобумажных фабрик Москвы.

Другим крупным предприятием в Москве в это время была мануфактура коммерцианта М. Титова. Эта мануфактура соединяла в себе ткацкое и набивное производство. В 1814 г. на ней было 1036 рабочих и 310 станов²⁰. Мануфактура Титова помещалась в каменных корпусах, имела крапильное, белильное и голандовое отделения, хорошее устройство которых обращало на себя внимание. Изделия мануфактуры Титова считались лучшими в Москве²¹.

В 1827 г., когда в Москве началось сравнительно широкое введение ситцепечатных машин, Титов был одним из первых мануфактуристов, поставивших такую машину на своей фабрике²². Сыновья Титова в конце 20-х годов имели успех на Дрезденской ярмарке²³. На первой публичной выставке российских мануфактурных изделий в 1829 г. М. Титов получил большую золотую медаль²⁴. В начале 40-х годов сын Титова Алексей имел в Москве, в Серпуховской части, ткацкую и набивную фабрику, на которой работало 305 рабочих. На фабрике было 300 станов, 100 набивных столов, 4 машины и 2 паровых двигателя²⁵.

Мануфактуры Чорокова и Титова являлись предприятиями различного типа и имели разную судьбу: мануфактура Титова не была таких крупных размеров, как мануфактура Чорокова, но уже во втором десятилетии XIX в. она благодаря техническим новшествам была благоустроенным предприятием и впоследствии заняла место в ряду передовых фабрик России; огромная мануфактура Чороковых, связанная с домашней промышленностью, не пошла по пути технического прогресса и превратилась в отсталую фабрику.

Перед нами выступают основные черты московской хлопчатобумажной мануфактуры: принадлежность предприятий по преимуществу представителям купеческого сословия; концентрация производства при обилии мануфактур среднего и небольшого размеров в руках небольшого количества владельцев; почти исключительное применение вольнонаёмного труда, что было типично для всей русской хлопчатобумажной промышленности, и рассеянный характер мануфактуры — её связь с домашней промышленностью.

Шёлковых мануфактур в Москве в 1814 г. было 42, из них 6 крестьянские, остальные купеческие и мещанские. На этих 42 предприятиях с 1778 станами работало 4369 ра-

¹⁵ Московский областной архив, ф. № 16 (московского генерал-губернатора), оп. № 3, т. III, 1812 г., д. № 189871, л. 1.

¹⁶ «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г.», стр. 117. СПб. 1814.

¹⁷ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 79. СПб. 1865.

¹⁸ «История московского купеческого общества». Т. II. Вып. I, стр. 285.

¹⁹ Самойлов Л. «Атлас промышленности Московской губернии», стр. 30. М. 1845.

²⁰ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 117.

²¹ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 70.

²² «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 46.

²³ Там же, стр. 43.

²⁴ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1829 г., стр. 123.

²⁵ Самойлов Л. Указ. соч.

бочих, все они были вольнонаёмными²⁶. В 1814 г. в шёлковой промышленности России в целом приписные рабочие составляли 21,3%, а крепостные — 3,6%, так что вольнонаёмные рабочие составляли в этой отрасли 75%²⁷. Русская шёлковая промышленность была сосредоточена в Московской губернии (из общего числа 9300 рабочих в Московской губернии работало 8768 и только около 600 приходилось на всю остальную Россию)²⁸. Таким образом, город Москва представляется местом, где была сконцентрирована купеческая шёлковая мануфактура с вольнонаёмным трудом.

По количеству занятых рабочих шёлковые мануфактуры можно разделить так: на самом большом шёлковом предприятии Москвы, А. Александрова, работало 894 рабочих, у Г. Урусова — 577, у Александра и Ивана Алексеевых — 445, у Ефима Сухачёва — 360, у А. Матвеева — 306. Мануфактур, на которых работало от 100 до 200 рабочих, было 4, от 50 до 100 — 8, от 20 до 50 — 13, от 10 до 20 — 8, до 10 — 3²⁹. Таким образом, пять крупнейших мануфактуристов занимали 2582 рабочих, что составляло больше 59% всех рабочих шёлковой промышленности Москвы. Отсюда ясно, что шёлковая промышленность — хотя и в несколько меньшей степени, чем хлопчатобумажная, — также отличалась большой концентрацией капитала. Шёлковые мануфактуры, так же как и хлопчатобумажные, были связаны с домашней промышленностью. «Как ни обширны были в Москве шёлковые фабрики, но содержатели их отдавали свои материалы для выработки тканей по деревням»³⁰.

Судьба отдельных московских шёлковых мануфактур представляет значительный интерес. Самый крупный шёлковый мануфактурист Александров имел в 1802 г. в Москве предприятие, на котором на 180 станах работало 285 рабочих³¹. В 1812 г. он понёс убыток около 700 тыс. руб., но, деятельно принявшись за восстановление своей мануфактуры, построил в 1813 г. 13 фабричных корпусов. В том же году мануфактура его работала полным ходом; её 202 стана выработывали шёлковые изделия, а 580 станков — миткаль, нанку и бумажные платки. Кроме того Александров был ещё владельцем крупной хлопчатобумажной мануфактуры в селе Дубровском, Звенигородского уезда³². В начале 30-х годов имя Александрова среди российских хлопчатобумажных и шёлковых фабрикантов не встречается.

Также в это время мы не встречаем и имени Сухачёва.

Мануфактура Урусова была основана в 1792 году. В начале 40-х годов XIX в. предприятие Урусова было известно как крупная хлопчатобумажная фабрика, имевшая 20 станков, паровой двигатель в 24 силы. На ней было занято 2550 рабочих в помещении фабрики и 885 по деревням³³. Собственно, уже в 1814 г. мануфактура Урусова неправильно причислена к шёлковым, так как на ней лишь на 20 станах выработывалось 9 тыс. аршин шёлковых материй и 8400 шёлковых платков, а на 280 станах — 209 тыс. аршин нанки³⁴.

Алексеевы в 1832 г. имели в Москве две фабрики: хлопчатобумажную и шерстяную³⁵, так что эти крупные мануфактуристы оставили шёлковое производство. На мануфактуре Матвеева, которая в 1814 г. в основном была шёлковой, также началось производство хлопчатобумажных тканей. На ней выработывалось 580 тыс. аршин шёлковых лент и 5 тыс. аршин парчи, но в то же время — 57 тыс. аршин нанки и около 15 тыс. аршин миткаля. В начале 30-х годов Матвеев был уже владельцем не шёлковых, а двух хлопчатобумажных фабрик в Москве³⁶.

Из описания отдельных крупных шёлковых мануфактур видно, что владельцы их вкладывали свои капиталы в хлопчатобумажную промышленность. В последующие десятилетия в шёлковой промышленности Москвы действовали другие мануфактуристы, имена которых в 1814 г. не встречаются.

Это переключение шёлковых предпринимателей на хлопчатобумажную промышленность связано с огромным ростом хлопчатобумажной промышленности не только в Москве, но и в России и во всём мире. Так, за десятилетие между 1804 и 1814 гг. в обеих отраслях промышленности в России произошли следующие изменения: количество рабочих в хлопчатобумажной промышленности выросло с 6566 до 39 210, а в шёлковой — с 8953 до 9300³⁷, т. е. всего на несколько сот человек.

Шёлковая мануфактура Москвы имела много черт, свойственных и хлопчатобумажной мануфактуре: она также, хотя и в несколько меньшей степени, была сосредоточена в большей своей части в руках нескольких мануфактуристов, она также была рассеянной мануфактурой — была связана с домашней промышленностью. Шёлковые мануфактуры Москвы в отношении принадлежности их владельцев к купеческому

²⁶ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813—1814 гг.», стр. 39—50.

²⁷ Там же, стр. 224 — 250.

²⁸ Там же, стр. 37—50.

²⁹ Там же. Об одной мануфактуре сведений нет.

³⁰ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 77.

³¹ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 73.

³² «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 79.

³³ Самойлов Л. Указ. соч.

³⁴ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.».

³⁵ «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи за 1832 г.». Ч. II, стр. 306, 370.

³⁶ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 236; «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи за 1832 г.». Ч. II, стр. 389.

³⁷ Семёнов А. «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности». Т. III, стр. 478—483, 1858.

сословно и в отношении применения вольнонаёмного труда шли даже вперед хлопчатобумажных, но в то время как последние этой своей чертой отражали особенность всей хлопчатобумажной промышленности России, шёлковые мануфактуры в этом отношении подчёркивали особенность Москвы как передового центра промышленности. На примере отдельных крупных шёлковых мануфактуристов, из которых трое в 30-х годах оказались владельцами хлопчатобумажных фабрик, а остальные два, повидимому, прекратили производство, можно показать процесс вытеснения шёлковой промышленности хлопчатобумажной.

Как мы уже заметили, в Москве не было ни одной полотняной мануфактуры. В 1812 г. здесь была небольшая полотняная мануфактура Ф. Пантелеева, которая перешла затем на производство хлопчатобумажных материй³⁹.

Серпуховский уезд, Московской губернии, был средоточием полотняной промышленности. Но полотняные мануфактуры Серпуховского уезда также стали переходить на производство хлопчатобумажных изделий. Например, известный впоследствии хлопчатобумажный фабрикант Коншин имел в Серпухове крупную полотняную мануфактуру; в 1814 г. он производил на ней частично хлопчатобумажные изделия. В общем 16 шёлковых мануфактур Московской губернии (7 из них в Москве) и 6 полотняных мануфактур производили на своих предприятиях то или другое количество хлопчатобумажных тканей. Так что шёлковая и полотняная промышленность уступали место хлопчатобумажной⁴⁰.

Русская суконная промышленность по своему составу своих владельцев сильно отличалась не только от молодой хлопчатобумажной промышленности, бывшей почти целиком в руках русской буржуазии и применявшей почти исключительно вольнонаёмный труд, но и от шёлковой промышленности, которая на три четверти была основана на вольнонаёмном труде. Всех рабочих, занятых в шерстяной промышленности России в 1814 г. было 49 384, из них крепостных — 20 326, или 41,2%, приписных — 16 460, или 33,3%, вольнонаёмных — только 12 598, или 25,5%⁴¹. Вольнонаёмные рабочие в суконной промышленности России составляли только четвертую часть. Из 12 598 вольнонаёмных рабочих русской суконной промышленности половина (6286) работала в Москве.

Всех суконных мануфактур в Москве было 19, из них 12 — собственно суконных и 7 специально красильных. Красильные мануфактуры были мелкими, самым крупным из этих предприятий была мануфактура князя Долгорукова, на которой работало 80 рабочих. Собственно же суконные мануфактуры были, наоборот, очень крупными по количеству занятых рабочих: на двух из них

работало примерно по полторы тысячи рабочих, на двух — от 500 до 1000 и на трёх — от 300. Эти семь мануфактур занимали 5552 рабочих, или 85%, остальные (700 с небольшим) рабочие работали на более мелких пяти мануфактурах⁴².

Москва была средоточием суконной промышленности нового типа. Господство вольнонаёмного труда и производство, по крайней мере на две трети, на вольный рынок являются отличительными чертами суконной промышленности Москвы. Московская суконная промышленность в этом смысле может быть противопоставлена суконной промышленности всей страны, основанной преимущественно на труде крепостных и приписных рабочих и тесно связанной с поставками сукна в казну. В ней работало только 200 приписных рабочих на четырёх небольших мануфактурах: на мануфактуре купца Рыбникова (бывшей князя Вязьминского) — 99 человек, на двух маленьких предприятиях губернского секретаря Калинин — 21 человек и на суконно-красильной мануфактуре князя Долгорукова — 80 человек⁴³. Все эти посессионные рабочие работали на дворянских или на бывших дворянских мануфактурах; эти же мануфактурами исчерпывалось число обязанных суконных предприятий, остальные суконные мануфактуры в Москве были вольными и применяли вольнонаёмный труд.

Этому соответствовал и ассортимент производства суконной промышленности: из общего количества производившихся в России 4044 тыс. аршин сукна солдатского сукна производилось 2132 тыс. аршин, т. е. 52,7%, а в Москве из общего количества 871 тыс. аршин производилось 275 тыс. аршин солдатского сукна, т. е. всего 31,6%⁴⁴.

Суконные мануфактуры в Москве занимались преимущественно отделкой и окраской сукон, производство же сурового сукна производилось по деревням⁴⁵. На мануфактуре купца Осипова, владельца одного из крупнейших предприятий суконной промышленности в Москве⁴⁶, производилась только отделка сукон, для чего были выстроены каменные корпуса, ткачество же сукон для его мануфактуры производилось по деревням⁴⁷. В Москве существовала красильная мануфактура купца Кознова, который занимался только окраскою сукон, сукна же эти производились на его мануфактуре в Егорьевском уезде, Рязанской губернии, где у него работало 520 приписных рабочих⁴⁸.

⁴¹ Там же

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 77.

⁴⁵ На мануфактуре Осипова было 36 станков и 417 рабочих, «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.».

⁴⁶ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 79.

⁴⁷ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.».

³⁹ «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г.».

⁴⁰ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.», стр. 235—238.

⁴¹ Там же, стр. 1—35.

Таким образом, суконная мануфактура Москвы обладала чертами, отличавшими её от суконной промышленности России в целом. Этими отличительными чертами были: специализация в отделке и окраске сукна, производство которых происходило на стороне, господство вольнонаёмного труда при большом преобладании крепостного труда в России, большее количество производства сравнительно с другими районами страны высших сортов сукна, шедших на вольный рынок.

В половине второго десятилетия XIX в. Москва была центром передовой текстильной промышленности с преобладанием хлопчатобумажного производства. Преобладание хлопчатобумажных мануфактур показывает нам Москву как передовой центр промышленности, так как хлопчатобумажное производство, быстро развивавшееся в стране, отличалось чертами, свойственными передовой капиталистической мануфактуре: применением вольнонаёмного труда и сбытом своих произведений на частном рынке. Этот же передовой характер Москвы как промышленного центра подчёркивается и тем, что её суконные и шёлковые предприятия, возникшие в условиях господства феодально-крепостнической системы, также приобретали черты капиталистической мануфактуры, на них также господствовал вольнонаёмный труд, они также в подавляющем большинстве находились в руках купечества и также большей частью работали на частный рынок. Москва была средоточием крупных текстильных предприятий в смысле концентрации производства в руках отдельных мануфактуристов. Самый процесс производства не всегда сосредоточивался в помещениях мануфактуры: в какой-то, точно не известной нам, части московская мануфактура в процессе производства сурового товара (ткачества) была связана с домашней промышленностью, что является типичной особенностью капиталистической мануфактуры.

Для того чтобы получить представление о темпах развития московской промышленности в первые полтора десятилетия XIX в., мы сравним её с предшествующим периодом, именно с 1802 годом.

Отрасли промышленности	Количество мануфактур		Количество рабочих	
	1802 г.	1814 г.	1802 г.	1814 г.
Хлопчатобумажная	10	66	669	14 749
Суконная	15	19	1 347	6 486
Шёлковая	66	42	3 008	4369 ⁴⁸

⁴⁸ Данные, относящиеся к 1802 г., взяты из статьи, основанной на материалах департамента мануфактур. См. «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 71—85.

Из этого сравнения мы видим огромный, поразяющий рост хлопчатобумажной промышленности. За 12 лет количество рабочих, занятых в ткацком и набивном производстве Москвы, выросло с 669 до 14 749, т. е. в 22 раза. В 1814 г. одна мануфактура Чорокова занимала почти в 10 раз больше рабочих, чем всё хлопчатобумажное производство Москвы в 1802 году⁴⁹.

Общая причина этого явления — вытеснения хлопчатобумажной промышленностью шёлковой, а также и полотняной — связана с развитием мировой промышленности. Дешевизна сырья и дешевизна хлопчатобумажного производства в связи с техническими открытиями были естественными стимулами роста этой отрасли промышленности в Европе. В России к этому прибавлялось и то обстоятельство, что существовавшие раньше отрасли текстильной промышленности (суконная, шёлковая, полотняная) выросли в условиях господства феодально-крепостнического порядка вещей, и в силу этого на них лежала печать известных ограничений и стеснений. Хлопчатобумажная промышленность, возникшая только во второй половине XVIII в., хотя и испытала на себе сначала стеснительные условия феодально-крепостнической системы хозяйства, скоро от них освободилась и пошла по пути свободного частного предпринимательства.

Кроме этих общих причин действовали и другие, более частные причины, которые способствовали росту хлопчатобумажной промышленности в ущерб шёлковой и полотняной.

Возникновение хлопчатобумажных мануфактур в России относится ко второй половине XVIII в., когда в окрестностях Петербурга появились первые ситцепечатные заведения, производившие набойку на английском миткале. Хлопчатобумажное ткачество возникло несколько позднее. Первоначально употреблялась пряжа бухарская и других азиатских стран; не только астраханские ткачи, но и мануфактуристы села Иванова и Москвы употребляли азиатскую пряжу. Но с начала XIX в. основным сырьём стала английская пряжа, которая наводнила русский рынок и почти вытеснила пряжу азиатского происхождения⁵⁰.

После заключения Тильзитского мира Россия включилась в систему континентальной блокады, и ввоз английских товаров был запрещён. В 1810 г. был издан новый таможенный тариф, проусуждавший до 1816 года. Этим тарифом запрещался ввоз набивных и крашенных иностранных

⁴⁹ Возможно, что данные, относящиеся к 1802 г., не вполне точны, они могут быть преуменьшенными, тем не менее чрезвычайно быстрый рост хлопчатобумажной промышленности не подлежит сомнению. По данным Семёнова (Указ. соч. Т. III), в русской хлопчатобумажной промышленности в 1804 г. было занято 6566 рабочих, а в 1814 г. — 39 210.

⁵⁰ Любомир в П. «Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России». «Исторический сборник» № 5 за 1936 г., стр. 39—76.

тканей за некоторым небольшим исключением; миткаль, как полуфабрикат, возился с очень высокой пошлиной (60 коп. с аршина), а бумажная пряжа — с небольшой сравнительно пошлиной (5 р. 20 к. с пуда)⁵¹. Таким образом, сначала континентальной блокадой, а затем тарифом 1810 г. русская хлопчатобумажная промышленность на внутреннем рынке была ограждена от иностранной (английской) конкуренции. Это и послужило толчком для быстрого развития хлопчатобумажной отрасли промышленности.

Каково было влияние континентальной блокады, с одной стороны, и тарифа 1810 г. — с другой, на развитие хлопчатобумажной промышленности Московского района, видно из следующего. В 1810 г. в Московской губернии было выработано 6 346 851 аршин хлопчатобумажных тканей и 1 427 028 платков, а в 1814 г. — 13 637 993 аршина тканей и 28 тыс. платков⁵². Таким образом, за 4 года со времени введения

Так как производство русских хлопчатобумажных тканей основывалось на английской пряже, то в первые годы действия континентальной блокады это производство претерпело затруднения, но с 1809 г. привоз английской пряжи через таможи (не говоря о контрабанде) увеличивается⁵⁴. Соответственно развивается и производство, что можно видеть и из частных примеров. Так, производство на мануфактуре Прохоровых упало в 1807 г. и начало заметно подниматься с 1809 года⁵⁵. Другим примером может служить основание лучшей в Москве ситцевой мануфактуры Титова в 1810 г., т. е. во время действия континентальной блокады, но не в первые годы её существования, и до введения тарифа 1810 года⁵⁶.

Континентальная блокада не могла оказать такого же влияния на шелковую промышленность, так как эта отрасль развивалась вне зависимости от Англии. В качестве сырья в шелковой промышленности употреблялся шелк итальянский, турецкий, иран-

Годы	Производство			
	миткаля	ситца, полуситца и выбойки	разных бумажных материй	платков
1804 . .	2 109 тыс. арш.	1 469 тыс. арш.	2 040 тыс. арш.	504 тыс. арш.
1810 . .	5 611 " "	4 877 " "	2 403 " "	2 861 тыс. шт.
		600 куск.	и 2 тыс. куск.	3 793 тыс. арш.
1814 . .	9 950 " "	6 116 тыс. арш.	5 331 тыс. арш.	1 271 тыс. шт.
	и 65 тыс. куск.	и 220 куск.	11 тыс. куск.	32 тыс. куск.
			2 тыс. шт.	

тарифа 1810 г. производство увеличилось примерно вдвое. Но если тариф 1810 г. оказал очень сильное влияние на развитие ткацкого и набивного хлопчатобумажного производства, то мы не должны игнорировать и тот факт, что уже в 1810 г., т. е. до издания запретительного тарифа в Московской губернии вырабатывалось большое количество хлопчатобумажных тканей, что явилось результатом влияния блокады⁵³.

⁵¹ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 156; Лодыженский К. «История русского таможенного тарифа», стр. 166—167. СПб. 1886.

⁵² «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 159; «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.». Также небольшое количество платков, указанное для 1814 г., объясняется тем, что часть их, рассчитанная в аршинах, включена в количество произведённых тканей.

⁵³ Сравнение данных в общероссийском масштабе даёт следующую картину развития хлопчатобумажной промышленности (Семёнов А. Указ. соч. Т. III; Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 159; «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.»).

ский и в некотором количестве закавказский. Из иностранных же шелковых тканей на русском рынке, кроме азиатских, продавались главным образом французские материи. Англия не была поставщицей шелковых изделий.

Каким же образом при наличии запрещения ввоза английской пряжи так быстро росла хлопчатобумажная промышленность? Дело в том, что фактическое положение не соответствовало формальному. Сырьё и полуфабрикаты английского происхождения, необходимые для развития русской промышленности, попрежнему продавались на русском рынке. Несмотря на запрещение торговли с Англией, туда переводились деньги из России⁵⁷; это показывает, что тор-

⁵⁴ Небольсин Г. «Статистические записки о внешней торговле России». Ч. II. Приложение. СПб. 1835.

⁵⁵ Рожков Н. «Прохоровская мануфактура за первые 40 лет её существования». «Историк-марксист» № 6 за 1927 г., стр. 89.

⁵⁶ См. выше.

⁵⁷ Предтеченский А. «К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России» («Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук» № 8 за 1931 г., стр. 900).

говля не прекращалась. Московские фабриканты Ф. Пантелеев, А. Александров и М. Герасимов, подавшие в марте 1812 г. прошение министру внутренних дел Козодавлеву, писали, что, когда была запрещена торговля с Англией, они думали, что пряжи на русском рынке не будет, но неожиданно появилась американская пряжа⁵³.

Английская пряжа привозилась и продавалась под видом американской. Испытывая в первые годы блокады затруднения, привоз затем развился до значительных размеров. Потребность хлопчатобумажной промышленности в английской пряже при отсутствии русских бумагопрядилен была так велика, что она преодолела таможенные запрещения.

Ко времени действия системы континентальной блокады в московской промышленной жизни возникло новое явление. В половине 1808 г. московский купец Ф. Пантелеев в компании с фабрикантом А. Александровым и московским купцом М. Герасимовым основал первую в России частную механическую бумагопрядильню⁵⁴.

Основание этой фабрики имеет двойное значение. Во-первых, это было введением в Москве новой отрасли производства; во-вторых, предприятие Ф. Пантелеева было первой капиталистической фабрикой, работавшей механическим способом. В середине 1812 г. на ней работало 100 прядильных машин, заказанных на Александровской мануфактуре и приводившихся в действие конным приводом⁵⁵. Вслед за фабрикой Пантелеева в Москве были основаны и другие бумагопрядильни; в 1810 г. их было 4, они вырабатывали в общей сложности на 183 машинах 3535 пуд. 33 ф. пряжи⁵⁶. В 1812 г. в Москве было 11 бумагопрядилен⁵⁷.

Однако эти фабрики просуществовали недолго. После 1812 г. мы не встречаем в Москве ни одной бумагопрядильни. В марте 1812 г. основатели русского бумагопрядения Пантелеев, Александров и Герасимов подали Козодавлеву записку «Мнение о распространении в России мануфактур». Сообщая в этой записке о заведении ими в 1808 г. бумагопрядильни в Москве, сообщая также сведения и о последовавших их примеру других фабрикантах хлопчатой бумаги, авторы «Мнения» писали: «Дозволение ввоза пряденой бумаги (по тарифу 1810 г. — М. Р.) столько ослабило охоту к устройению прядильных фабрик, что некоторые, к стыду своему, по заведению уже оных, бросают и перепродают». В заключение авторы записки просили «удостоверить навсегда о запрещении ввоза всех иностранных изделий», что, по их мнению, вызовет «столь быстрое и знатное умножение и даже усовер-

шенствование российских фабрик, что русские, по своей способности и охоте, в многие годы будут иметь столь совершенные мануфактуры, каких иностранцы в несколько веков не имели»⁵⁸. Через несколько месяцев Пантелеев от себя лично составил записку о бумагопрядильнях. В заключение этой он жаловался на отсутствие покровительства бумагопрядению, в противовес покровительству ситцевым и миткалевым фабрикам. По его словам, привоз английской пряжи и особенно опасение усиления этого привоза в будущем «ослабляют рвение заводителей прядильных фабрик к построению прядильных машин»⁵⁹. Пантелеев просил повысить пошлину с иностранной пряжи до 50 руб. с пуда, т. е. почти в 10 раз против тарифа 1810 года⁶⁰. Никаких последствий прошения фабрикантов не имел и фабрики, как мы видели, закрылись. Таким образом, континентальная блокада привела к жизни новую отрасль промышленности в Москве, а тариф 1810 г. оказал на её развитие отрицательное влияние.

Хлопчатобумажная (ткацкая и набивная) промышленность Москвы за 10 лет сделала гигантские успехи под влиянием, с одной стороны, континентальной блокады, с другой — запретительного тарифа 1810 года. Оба эти явления (блокада и тариф) способствовали росту набивной и ткацкой хлопчатобумажной промышленности, которая прежде работала на английской пряже, так как конкуренция этой пряжи обрекла на неудачу первые попытки создания в Москве русского бумагопрядения.

Что касается шёлковой промышленности, то благоприятное на неё влияние мог оказать только тариф 1810 г., континентальная же блокада, вызвав огромный рост конкурировавшей с ней хлопчатобумажной промышленности, оказала отрицательное влияние на шёлковую промышленность.

В отношении полотняной промышленности можно сделать некоторые предположения, исходя из особых условий рынка сбыта полотняных изделий. В 1804 г. в России было выработано 10 369 тыс. аршин разных полотен, из них 5085 тыс. аршин, т. е. примерно половина, были сбыты на внешнем рынке⁶¹, в значительной части в Англию. Понятно, что при этих условиях континентальная блокада должна была оказать отрицательное влияние на развитие полотняной промышленности, которая потеряла значительный рынок для сбыта своих изделий.

Вопрос о влиянии континентальной блокады на русскую промышленность является, как известно, спорным в нашей исторической литературе. А. В. Предтеченский в специально посвящённой этому вопросу статье категорически доказывает отрицательное влияние блокады на русскую промышлен-

⁵³ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 161.

⁵⁴ Там же, стр. 166. Записка Пантелеева.

⁵⁵ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 166. Записка Пантелеева.

⁵⁶ Там же, примечание на стр. 160.

⁵⁷ Туган-Барановский М. «Русская фабрика», стр. 59.

⁵⁸ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. III, стр. 160—162.

⁵⁹ Там же, стр. 166.

⁶⁰ Там же, стр. 168—169.

⁶¹ «Табели к отчёту министра внутренних дел за 1804 год», № XVIII, 1806.

ность и торговлю⁶⁷. Основным источником для такого вывода являются ведомости московского гражданского губернатора о количестве фабрик и заводов Московской губернии. Не говоря о том, что количество предприятий меньше всего может быть надёжным показателем развития промышленности, так как это количество не даёт никакого представления о размерах производства, источник, которым пользуется А. В. Предтеченский, по его же собственным словам требует к себе критического отношения, так как итоговое число предприятий за каждый год в ведомостях не находится в соответствии с количеством закрытых и вновь открытых в течение года мануфактур. Кроме того эти данные коренным образом расходятся с опубликованными такого же рода данными.

Количество фабрик и заводов в Московской губернии

Годы	По данным		
	А. В. Предтеченского	«Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов» ⁶⁸	«Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.»
1805	478	530	—
1807	510	691	—
1809	467	764	—
1812	266	277	—
1814	630	513	526

Если выделить хлопчатобумажную и полотняную промышленность, то получим такое количество предприятий по Московской губернии:

Годы	А. В. Предтеченского По полотняной и хлопчатобумажной промышленности	По данным			
		«Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов»		«Ведомости о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.»	
		полотняная	хлопчатобумажная	полотняная	хлопчатобумажная
1805	53	23	64	—	—
1807	73	87		—	—
		26	104		
1809	71	130		—	—
		29	121		
1812	29	150		—	—
		16	25		
1814	117	41		17	120
		22	125		
		137		—	

Касаясь возникновения в России бумагопрядилен, А. В. Предтеченский пишет: «Не сам по себе англо-русский разрыв вызвал подъём бумагопрядильной промышленности (он дал ей лишь слабый толчок, сила кото-

рого могла свестись на-нет без могучей поддержки запретительного тарифа), а именно положение 19 декабря (1810) сыграло эту роль»⁷⁰. Этот вывод никак не может соответствовать действительности, так как бумагопрядильни закрылись вскоре после издания тарифа 1810 г.; это и понятно, так как тарифом 1810 г. пряжа не только не была запрещена к привозу, но и пошлина на неё была наложена очень небольшая. Думается, что вопрос о влиянии континентальной блокады на русскую промышленность не может решаться в общей форме: блокада отражалась различно на развитии отдельных отраслей промышленности, в зависимости от специфики условий их развития.

В первые два десятилетия XIX в. текстильная промышленность Москвы, как хлопчатобумажная, так и суконная и шёлковая, стояла на низком уровне технического развития. Основное оборудование мануфактур состояло из ручных ткацких станков, из ручных набивных столов, из красильных кубов. Существенных технических изменений в основные процессы производства не вносилось. Этот низкий технический уровень мануфактур виден и из следующего факта. Как мы уже упоминали, в 1810 г. был издан таможенный тариф, которым запрещался ввоз в Россию иностранных изделий. Тариф этот был введён на один год и затем был продлён ещё на год. В связи с этим в кругах русских предпринимателей возникло опасение об отмене этого тарифа; от московских фабрикантов посылались многочисленные прошения об его сохранении. В двух из этих прошений, относящихся к декабрю 1812 г. (одно из них подписано 10 московскими и гжатскими фабрикантами, другое — 16 московскими)⁷¹, авторы их высказывали опасение, что разорение Москвы и других районов России нашествием Наполеона создало мнение о том, что русские мануфактуры не могут удовлетворить внутреннего спроса и в связи с этим необходим ввоз иностранных изделий. Опровергая это мнение, мануфактуристы доказы-

⁶⁷ «К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России». «Известия Академии наук СССР. ООИ» № 8 за 1931, стр. 883—920.

⁶⁸ Т. III, стр. 75—76.

⁶⁹ А. В. Предтеченский соединяет в одной графе хлопчатобумажные и полотняные мануфактуры, что, без сомнения, затемняет процесс падения полотняной промышленности и рост хлопчатобумажной.

⁷⁰ Предтеченский А. Указ. соч., стр. 909.

⁷¹ Возможно, что оба эти прошения, одно из которых опубликовано в «Сборнике сведений и материалов по ведомству министерства финансов» (т. III, стр. 174), а другое найдено в фонде московского генерал-губернатора (оп. 3, 1812 г., д. № 189943), являются одним и тем же прошением, текст которого источно передан в «Сборнике».

жали, что русская промышленность не потерпела большого разорения и что она быстро восстановится, так как в 1812 г. на ярмарках осталось много непроданных товаров, много товаров и сырья было вывезено в тыл из опасения нашествия. Эта мотивировка показывает, что основное богатство мануфактур составляли сырьё и продукты производства, оборудование же было так дешево, что восстановление его не казалось трудным.

Этим низким техническим уровнем объясняется быстрое восстановление в Москве текстильной промышленности, которая к 1814 г. — всего через два года после пожара и разорения — достигла цветущего состояния.

Однако если в основных процессах производства, в ткачестве и набивке, господствовала система ручного труда при самых простых орудиях производства, это не значит, что существовал полный застой техники и в производство не вносились никаких улучшений. Уже из сравнения двух самых крупных хлопчатобумажных мануфактур, Чороковых и Титова, видно, что степень совершенства изделий была различной. В процессах белеяния, крашения, отделки применялись способы улучшенной обработки. О методах, которыми вносились эти улучшения, можно судить по одному частному примеру⁷².

Московский купец Дей Шувалов 15 января 1812 г. заключил «условие» с московским купцом Стукачёвым, имевшим ситцевую мануфактуру «в приходе церкви Введения Пресвятой богородицы, что за Покровским мостом». По этому «условию», заключённому на 3 года, Дей Шувалов обязался жить со своим племянником Евмением на фабрике Стукачёва. Евмений должен был служить в качестве мастера варения красок, а сам Дей Шувалов — обучать сына Стукачёва Савелия «красочному делу», за это он должен был получать по 8 тыс. руб. в год и сверх того через 3 года — 5 тыс. руб. одновременно «за приведение в порядок фабрики и товара». В 5-м пункте «условия» сказано: «Если будет оп, Стукачёв, требовать товар такой точно, какой вырабатывается у господ Александра, Титова, Грачёва и Луговского на фабриках чистотою набивки, то соображал ему Стукачёву доброту миткалей со зными чистотой и тониной и усовершенствую и снабди к тому потребным против их инструментом поставить на такое их количество 120 столов набойщиков, таковое же число решиков и рисовальщиков для новых вкусов манеров, и за набивку товару, набойщикам и рисовальщикам плата будет производиться равная ж против их цен и удовлетворение мастеровых будет деньгами по фабрике безостановочно...»⁷³. Шувалову «иметь... въезд в вышеупомянутую его Стукачёва фабрику когда мне заблагорассудится. Обозревать по ситцевой фабрике по всем частям с полным распоряжением без всякого его Стукачёва прекословия, и где ежели

мною Шуваловым что будет усмотрено в какой бы то ни было должности, какая несправдливо и нерачение в делах, то я волею таким мастерам навсегда отказать...» Шувалову также предоставлялось право рекомендовать конторе, «кого из мастеровых отдавать на места»⁷⁴.

Ситцы мануфактуры Стукачёва выпускались с клеймом и собственноручной подписью Шувалова⁷⁵.

В прошении на высочайшее имя, поданном в сентябре 1814 г., Шувалов жаловался на Стукачёва, обвиняя его в том, что он не уплатил всего, что полагалось по контракту, что в ответ на жалобу, поданную им в губернское правление, Стукачёв «избил и согнал со двора» племянника его Евмения, что он тайно вывез из Москвы товары, конфискованные в обеспечение долга. Когда же, по словам Шувалова, он после оставления Наполеоном Москвы возвратился из Саратова, Стукачёв предложил ему 5 тыс. руб. наличными деньгами и «товару бухарской бумаги и платков» на 10 тыс. руб., но Шувалов не согласился, так как требовал неустойки, «а за открытие моего в составе красок секрета, который я приобрёл собственными многотрудными стараниями и о котором едва ли кто из красильщиков известен, а посему и редок, а сын Стукачёва им воспользовался...»⁷⁶.

Со своей стороны Стукачёв выдвинул против Шувалова целый ряд обвинений, главным из которых были порча Шуваловым товара, что принесло Стукачёву, по его словам, 30 тыс. руб. убытка, и следующее происшествие, которое Стукачёв изложил так: «Однакож к довершению моего разорения, когда пред нашествием неприятеля вывозил для спасения из столицы мой товар и мог бы оной весь вывезти, то по словесной его Дея Шувалова просьбе, остановлено квартальным надзирателем Шегловитовым с приказания господина пристава Покровской части такового у меня товара на 56.804 р. 75 коп., который подвергся разорению весь без остатка»⁷⁷. Шувалов обвинялся также в том, что не обучал сына Стукачёва, а просто продал тетрадь, в которой были им записаны способы варки красок.

В ответ на обвинение в порче товаров, племянник Шувалова, Евмений, показал в присутствии Управы благочиния, что никакой порчи не могло быть, так как краски всегда варились в присутствии сына Стукачёва Савелия, «у коего и ключ был от красильни и материалов всегда»⁷⁸. Относительно же тетради Шувалов в прошении московскому военному губернатору, поданном в январе 1815 г., писал: «О красочной тетради Губернскому правлению иметь такой сюжет совсем не вместию ибо продать тетрадь и ещё идти в услужение была воля обоюдная и основана на условии; а моею собственностью располагать никто не в праве, и ценить её никому невозможно; что же касается до на-

⁷⁴ Там же, л. 55.

⁷⁵ Там же, л. 56.

⁷⁶ Там же, л. 6.

⁷⁷ Там же, л. 27.

⁷⁸ Там же, л. 22.

⁷³ Московский областной архив, ф. № 16, оп. № 6, 1814 г., д. № 70755.

⁷⁸ Там же, л. 20, 56.

уки... я имел опыт прежде обучать записями и тетрадами красочному ситцовому искусству известную особу господина Александра»⁷⁹. Для характеристики Шувалова можно прибавить, что прошение, к которому «московской купец Дей Петров сын Шувалов руку приложил и сам сочинил», как видно и из приведённых отрывков, является весьма по тому времени грамотным и полным достоинств.

Перед нами фигура высококвалифицированного мастера и изобретателя, который ведёт запись своих изобретений, обучает московских мануфактуристов улучшенным способам производства и получает за это очень высокое вознаграждение. С другой стороны, мы видим и владельцев мануфактур, которые сами лично изучают красильное искусство и лично хранят ключи от своих лабораторий.

Изложенный эпизод показывает стремление мануфактуристов к улучшению способов производства, их заботу о качестве сырья, о найме квалифицированных рабочих, которым они платят повышенную заработную плату, о стремлении их иметь новые, соответствующие вкусу потребителей рисунки тканей и применять новые способы окраски. Но обязательно со стороны владельца предприятия беспрекословно повиновать мастеру и чрезвычайно высокое вознаграждение его труда показывают также, что такие мастера были редки и поэтому высоко ценились. Обучение самих фабрикантов способам производства рисует перед нами ту стадию в развитии мануфактуры, когда предприниматель ещё не был только получателем прибыли и только организатором производства, но сам принимал участие в процессе производства и лично входил в его детали. Эпизод этот показывает также, что мануфактуры не были однородны: среди них были мануфактуры передовые, которым другие предприниматели стремились подражать.

Существование «секретных» улучшенных способов производства показывает, с какими затруднениями было связано распространение этих улучшений и как ограничено могло быть их применение.

При экстенсивном развитии промышленности московские фабриканты были очень заинтересованы в сохранении запретительного тарифа 1810 г., который ограждал их от конкуренции английской промышленности, основанной на машинном способе производства. Мы уже указывали на то, что в период времени с 1812 по 1823 г. подавалось много записок, выражавших стремление московских, главным образом, мануфактуристов сохранить запретительную таможенную систему. Однако вслед за запретительным тарифом 1810 г. после длительной борьбы отдельных государственных деятелей и группировок 31 марта 1816 г. был издан новый, смягчённый тариф, а 20 ноября 1819 г. запретительная система была отменена. Именно тариф 1819 г. считался московскими промышленниками более разорительным для русских мануфактур, чем война

1812 года. В 1822 г. был издан новый запретительный тариф.

Развитие промышленности во второй половине второго десятилетия XIX в. происходило крайне медленно в противоположность бурному её росту за предыдущее десятилетие.

Двадцатые годы XIX в. в экономической политике русского правительства проходят под знаком покровительства развитию русской промышленности. Правительство идёт навстречу желаниям и требованиям русской буржуазии. Прежде всего это выразилось в запретительном тарифе 1822 года. Затем следует ряд мероприятий: учреждение Мануфактурного и Коммерческого советов с отделениями в Москве, ряда промышленных учебных заведений, издание «Журнала мануфактур и торговли» и других специальных журналов и газет, открытие в 1829 г. в Петербурге первой публичной общероссийской выставки мануфактурных изделий и другие меры, принятые в целях покровительства промышленности.

На развитие хлопчатобумажной промышленности или, вернее, на ситценабивное производство огромное влияние оказала отмена в 1827 г. привилегий на ситцепечатные цилиндрические машины. Обладателями этих привилегий были некоторые фабриканты. Так, 31 декабря 1817 г. десятилетняя привилегия на ситцепечатные машины с паровым двигателем была дана московскому первой гильдии купцу и фабриканту Михаилу Веберу, владельцу бывшей мануфактуры Лимана в Шлиссельбурге и фабрики в селе Царёве, Дмитровского уезда, Московской губернии⁸⁰. Такая же привилегия на машину для печатания шёлковых и бумажных материй была 8 ноября 1818 г. выдана второй гильдии купцу Фёдору Битепажу, имевшему фабрику на Петергофской дороге и другую фабрику в Нарвской части Петербурга⁸¹.

Существование привилегий на применение ситцепечатных машин тормозило развитие ситценабивного производства. Поэтому отмена этих привилегий в 1827 г. имела большое прогрессивное значение.

В 1827 г., сейчас же после отмены привилегий, на 20 фабриках Москвы и окрестностей были поставлены ситцепечатные машины, приводившиеся в движение паром или лошадьми. Первым из московских фабрикантов поставил такую машину уже известный нам Михаил Титов; его примеру последовали Грачёв, Александров, Яков Титов, Гребенщиков и другие. В этом году в Москве уже работало 74 набивных цилиндра и 5 гравировальных станков⁸². Москва в этом отношении была застрельницей; в другом крупном центре хлопчатобумажной промышленности — во Владимирской губернии — не было в это время ситцепечатных машин⁸³.

⁸⁰ «Журнал мануфактур и торговли» № 2 за 1825 г., стр. 8—18.

⁸¹ Там же, № 6 за 1825 г., стр. 152—161.

⁸² Там же, № 6 за 1828 г., стр. 46—47; № 5 за 1829 г., стр. 124.

⁸³ Там же, № 6 за 1828 г., стр. 47.

⁷⁹ Московский областной архив, ф. № 16, оп. № 6, 1814 г., д. № 70755, л. 52.

В селе Иванове в 1830 г. было только 3 набивных цилиндра⁸⁴.

Общая картина состояния хлопчатобумажного производства в Москве в 1827 г. по сравнению с 1814 г. такова:

Годы	Количество			Выработка тканей в тыс. аршин
	рабочих	ткацких станков	набивных столов	
1814	14 749	8 576	595	10 047
1827	21 903	13 383	1 679	21 317
Увеличение в % %	48	56	182	112 ⁸⁵

Производство бумажных материй увеличилось, как видим, больше чем вдвое, что является очень большим увеличением. Так как до 20-х годов промышленность находилась в состоянии застоя, то рост в основном приходится на 20-е годы. Насколько бурным был этот рост, видно из слов автора «Описания первой публичной выставки российских мануфактурных изделий», который писал, что бумажные и ситцевые фабрики так распространились, что они «едва ли не превышают истинную потребность внутри государства, и фабриканты наши должны уже помышлять о том, как бы найти сбыт сему товару за границею»⁸⁶.

Хлопчатобумажная промышленность к изучаемому нами моменту претерпела не только количественные изменения, но и соотношение сортов выпускавшихся материй изменилось. В то время как количество миткаля увеличилось всего на 23%, количество ситца — на 171%, и вообще ткацкие изделия составляли в 1814 г. больший процент, чем в 1827 г., а крашенные и набивные — наоборот⁸⁷. Это усиление ситценабивного производства видно и из увеличения количества набивных столов почти в три раза, а так как кроме того были введены в действие ситцелечатные машины, то ясно, что ситценабивное производство усиливалось за счёт ткацкого. Переход от ткацкого к ситценабивному производству, технически сравнительно высоко поставленному, связан с тем, что тарифом 1810 и 1822 гг. крашенные и набивные изделия были лучше защищены от иностранной конкуренции, чем ткацкие. Это значение таможенной политики для развития текстильной промышленности подтверждается и тем, что из производившихся

⁸⁴ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. II, стр. 231. СПб. 1865.

⁸⁵ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.». «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 47—48. В сумму изделий входят только материи, так как остальные изделия даны в разных единицах меры.

⁸⁶ «Описание первой публичной выставки российских мануфактурных изделий», стр. 142. СПб. 1829.

⁸⁷ «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 гг.». «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 48.

ткацких изделий количество банки увеличилось почти вдвое, холстинки — с 10 тыс. аршин до 2 с лишним миллионов, а миткаля — всего на 23%; миткаль был как раз тем товаром, который хотя и облагался высокой пошлиной, но не был запрещён к привозу ни тарифом 1810, ни тарифом 1822 года. Переход, с одной стороны, к крашеным и набивным тканям, а с другой — к цветным ткацким изделиям, в ущерб производству миткаля, который был полуфабрикатом, относится не только к 20-м годам: этот процесс наметился раньше, между 1814 и 1820 гг., что видно из данных как общероссийских, так и относящихся к Московской губернии⁸⁸. Этот процесс был формой защиты, применявшейся хлопчатобумажными мануфактуристами в борьбе с иностранными фабричными изделиями, за неимением настоящей защиты — высокой техники производства. В то время как в Манчестере в 1818 г. употреблялось примерно 2 тыс. механических ткацких станков, а в конце 20-х годов их там было до 30 тыс.⁸⁹, в Москве в конце 20-х годов механические ткацкие станки не употреблялись вовсе. Ткачество производилось на ручных станах.

К концу 20-х годов относится и ещё одно новое в хлопчатобумажной промышленности явление. Мы видели, что в 1808 г. была сделана первая неудачная попытка основания бумагопрядильни. С тех пор до 20-х годов новых попыток не делалось. Производство пряжи в России ограничивалось казанской Александровской мануфактурой.

В качестве сырья русская хлопчатобумажная промышленность попрежнему употребляла иностранную пряжу. Так, например, в Москве в 1827 г. был употреблён всего 841 пуд русской пряжи⁹⁰.

К 1823 г. относится учреждение Рахмановым в его имени в Курской губернии первой механической бумагопрядильни в России⁹¹. В 1827 г. таких прядильных фабрик было в Центральной России восемь⁹². Они вырабатывали в общей сложности 16 410 пудов⁹³ бумажной пряжи, что составляло ничтожную долю потребности в этом продукте: в этом же, 1827 г. в Россию было привезено 377 тыс. пудов иностранной пряжи⁹⁴. Из указанных бумагопрядильен 3 находились в Московском уезде, 1 — в Москве⁹⁵.

⁸⁸ «Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур» за 1815—1820 годы.

⁸⁹ «Описание первой публичной выставки российских мануфактурных изделий», стр. 139.

⁹⁰ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 47.

⁹¹ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. II, стр. 289.

⁹² Здесь не учтены петербургские бумагопрядильни.

⁹³ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 41—42.

⁹⁴ «Государственная внешняя торговля в разных её видах» за 1827 год.

⁹⁵ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 41—42.

Таким образом, в конце 20-х годов в первичной (прядельной) и последней (красильной и набивной) стадиях производства московской хлопчатобумажной промышленности стали применяться первые машины, появились первые фабрики. Что же касается качества, то здесь попрежнему господствовала система ручного производства и никаких крупных технических усовершенствований не наблюдалось.

Суконные фабрики к концу 20-х годов, по свидетельству современника, «чрезвычайно усовершенствовались»⁹⁶.

В Москве в 1827 г. было 75 суконных фабрик. На 10 из них стояло 784 ткацких стана, 75 чесальных аппаратов, 341 прядельная машина, 9 сукновальных машин, 156 стригальных, 50 ворсильных⁹⁷. В 1814 г. оборудование суконных мануфактур заключалось в ткацких станах и красильных кубах, в конце же 20-х годов мы замечаем употребление разнообразных машин. Из перечисления этих машин можно видеть, что они употреблялись, с одной стороны, в процессе прядения, а с другой — в процессе отделки сукон. Качество же попрежнему производилось на ручных станах.

Кроме ранее существовавших в Москве известных суконных мануфактур Рыбникова и Бабукиных, Тугаринова, Жукова и других, в городе и в его окрестностях в 20-х годах открылись новые предприятия. Так, в 1826 г. суконную фабрику в Москве открыли бывшие шелковые фабриканты Александр и Иван Алексеевы, имевшие в то же время, также в Москве, две хлопчатобумажные фабрики. В 1828 г. завёл две фабрики шерстяных материй в Московском и Вереинском уездах купец первой гильдии Александров. Ещё ранее, в 1825 г. князь Трубецкой в компании с купцом Дефреном основал суконную фабрику в своём селе Никольском, в 17 верстах от Москвы. Фабрика эта имела водяной двигатель и паровую машину в 4 силы⁹⁸.

Таким образом, можно отметить, что во второй половине 20-х годов в суконной промышленности существовало применение машин и паровых двигателей.

Особое место занимало производство тонких сукон, конкуренция которых с иностранными была затруднительна для русских фабрикантов вследствие низкого состояния техники.

В 1814 г. в России производилось 4044 тыс. аршин сукон, из них—686 тыс., или 17%, тонкого сукна; в Москве же в это время из 871 тыс. аршин всех шерстяных материй 340 тыс. аршин, или 39%, приходилось на долю тонких сукон⁹⁹. Москва, та-

ким образом, шла впереди в производстве этого высшего сорта сукна.

В последующие годы, при смягчении протекторной таможенной системы, при сравнительно стабильном состоянии суконной промышленности как в России, так и в Московской губернии, производство тонких сукон резко пало в абсолютных и относительных цифрах. Во всей России это производство уменьшилось с 676 тыс. аршин (16%) в 1815 г. до 262 тыс. аршин (5%) в 1820 г.; в Московской губернии—с 300 тыс. аршин (29,9%) в 1815 г. до 139 тыс. аршин (11,7%) в 1820 году¹⁰⁰. В 1825 г., после издания тарифа 1822 г., при общем значительном росте суконной промышленности России производство тонких сукон повысилось за 5 лет до 1848 тыс. аршин, т. е. с 5% до 24,6%¹⁰¹. На 10 фабриках Москвы в 1827 г. вырабатывалось 757 тыс. аршин шерстяных материй, из них—294 тыс. аршин, или 38,9%, тонкого сукна¹⁰².

В связи с развитием производства тонкого сукна встал вопрос о сырье для суконной промышленности. Дело в том, что, несмотря на увеличение поголовья тонкорунных овец, в России не было специальных заведений для сортировки шерсти, вследствие чего для производства тонкого сукна употреблялась шерсть иностранная. Как писал в 1828 г. московский военный губернатор князь Голицын министру финансов Канкрину, «большая часть наших овцеводов не умеет ещё разбирать шерсти по сортам так, как сие для выгоднейшего сбыта и для удобнейшего употребления на фабриках необходимо. Искусство сие доведено до высочайшей степени совершенства в Саксонии, и посему англичане и французы покупают почти всю, потребную им для фабрик тонких сукон шерсть на Лейпцигской ярмарке; российской же шерсти иностранцы нимало не требуют, потому что она не рассортирована, да и лучшие московские фабриканты избегают употребления отечественной шерсти по сей же самой причине, и покупают привозимую из Германии»¹⁰³.

В 1827 г. в Кременчуге было основано «Общество для мытья и разбора русской тонкой шерсти», учреждением которого было положено начало сортировки русской шерсти¹⁰⁴.

В начале 1828 г. великобританский подданный Гервей открыл в Москве «Контору совещаний по части учреждения овчарен, для распространения в России тонкорунного овцеводства и сортировки шерсти по саксонскому методу»¹⁰⁵.

⁹⁹ «Ведомость о состоянии мануфактур за 1813 и 1814 гг.».

¹⁰⁰ «Статистические ведомости о состоянии российских мануфактур» за 1815—1820 годы.

¹⁰¹ Семёнов А., Указ. соч. Т. III.

¹⁰² «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 год, стр. 54.

¹⁰³ Московский областной архив, ф. № 16, оп. 8, 1828 г., д. № 113343, л. 11.

¹⁰⁴ «Журнал мануфактур и торговли» № 7 за 1829 г., стр. 109—112.

¹⁰⁵ Московский областной архив, ф. № 16, оп. 8, 1828 г., д. № 113343, л. л. 1, 2, 6, 7—8.

⁹⁶ Б-шов В. л-р «Очерк истории мануфактур в России», стр. 39. СПб. 1833.

⁹⁷ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 54.

⁹⁸ «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов». Т. II, стр. 231; «Указатель фабрикантам и заводчикам Российской империи за 1832 г.». Ч. II. СПб. 1833; «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 51—52.

В 1829 г. по инициативе сына бывшего министра финансов графа Гурьева, владельца овчарного завода, было учреждено в Москве другое заведение для сортировки шерсти. Заведение это получило казённое пособие в 128 тыс. руб., ему было отведено казённое помещение на Воробьёвых горах. Заведением управлял комитет под председательством московского военного губернатора, состоявший из членов московского «Общества сельского хозяйства» и нескольких московских суконных фабрикантов¹⁰⁰.

К этому же времени относится учреждение заведения для сортировки шёлковой шерсти херсонским купцом Пло, нанявшим для этой цели дачу князя Юсупова за Калужской заставой¹⁰⁷.

В 1830 г. французскому подданному Мартини было разрешено открыть в Москве заведение для мытья и сортировки шерсти¹⁰⁸.

Таким образом, во второй половине 20-х годов XIX в. в суконной промышленности Москвы можно отметить ряд новых явлений: первое применение машин и паровой двигательной силы, развитие производства высших сортов сукна и стремление обеспечить суконные фабрики собственным высококачественным сырьём.

Как мы видели, в 1814 г. шёлковые мануфактуры Москвы, так же как и другие предприятия московской промышленности, работали ручным способом и в ткачество шёлковых материй не вносило каких-либо существенных изменений. Первое техническое усовершенствование было введено в шёлковой промышленности в 1823 г. владельцами нескольких шёлковых мануфактур купцами Рогожними. Рогожины ввели впервые в России на одной из своих мануфактур жакардову машину для тканья узорчатых шёлковых тканей¹⁰⁹. Рогожины приобрели машину Жакарда у приехавшего в 1823 г. в Москву берлинского механика Кауенгисера, заплатив за неё 10 тыс. рублей¹¹⁰. Машин Жакарда не были механическими ткацкими станками, тем не менее введение их было большим техническим улучшением. Современник так описывает разницу между ручным ткацким станом, применявшимся в шёлковой промышленности, и машиной Жакарда: «Там, где прежде нужно было множество разных орудий, шнуров, подножек... тут один ткач без помощи переборщиков сам устраивает стан свой и посредством движения одной только подножки ткёт самые труднейшие узорчатые материи¹¹¹. Примеры Рогожних последовали и другие фабриканты. Так, в 1826 г. на старой шёлковой мануфактуре купца Карпова, основанной ещё в 1795 г., в селе Хому-

тове, Богородского уезда, было введено в действие сразу 100 жакардовых машин¹¹². Машин Жакарда быстро распространились в шёлковой промышленности, их научились делать простые плотники, и в 1827 г. в Москве при 3367 простых станах работало уже 975 машин Жакарда¹¹³. Другое техническое нововведение, подобное машине Жакарда, было введено московским купцом Иваком Гучковым, имевшим в конце 20-х годов шёлковую мануфактуру в Москве. Гучков сам изобрёл новый стан для ткачества узорных тканей; улучшение это состояло в одновременном действии шести челноков вместо одного, что сокращало число рабочих рук¹¹⁴.

Большое значение введения машин Жакарда в ткачество шёлковых материй ограничивается, однако, тем, что они приводились в движение ручным способом и что эти машины употреблялись только при производстве узорных тканей и не могли иметь применение в производстве гладких материй, которые ткались попрежнему на простых ручных станах.

Благодаря введению жакардовых станков узорные шёлковые ткани быстро улучшались и к концу 20-х годов достигли высокого качества. Недостатком их была только высокая, в сравнении с иностранными, цена¹¹⁵. Но улучшение ткачества не коснулось гладких шёлковых материй, которые в этом отношении были гораздо ниже иностранных.

Это отставание в производстве гладких шёлковых тканей определялось не только низким техническим уровнем производства этих изделий, но и проблемой сырья.

В качестве сырья в шёлковой промышленности употреблялся шёлк итальянский, отчасти французский, брусский, иранский и закавказский. Итальянский шёлк ввозился в виде готовой шёлковой пряжи и стоил очень дорого. Шёлк брусский, иранский и закавказский привозился в Москву в виде так называемого сырца, т. е. в мотках, непосредственно смотанных с коконов; для превращения шёлка-сырца в пряжу необходимо было произвести целый ряд операций. Между тем ни в Москве, ни в России вообще не было крупных шёлковых прядилен, и выработка шёлковой пряжи производилась специалистами этого дела, называвшимися «карасниками»; название это происходило от «карася» — ручного снаряда, при помощи которого шёлк-сырец перерабатывался в готовую пряжу. «Карасные» заведения были особенно распространены в Богородском, Звенигородском и Коломенском уездах, Московской губернии. «Карасники» занимались только трощением и сучением шёлка, сортировку же и размотку его на катушки поручали работницам по деревням; самая организация этого дела, а также несовер-

¹⁰⁶ Московский областной архив, ф. № 16, оп. 8, 1828 г., д. № 113343, лл. 1, 2, 6, 7—8.

¹⁰⁷ Там же, л. 62.

¹⁰⁸ Там же, л. 102.

¹⁰⁹ «Журнал мануфактур и торговли» № 6 за 1828 г., стр. 23—24.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, стр. 22.

¹¹² Там же, № 4 за 1828 г., стр. 102—103.

¹¹³ Там же, № 6 за 1828 г., стр. 37.

¹¹⁴ «Журнал мануфактур и торговли» № 3 за 1831 г., стр. 108—109.

¹¹⁵ «Коммерческая газета» № 109 за 1844 год.

шенство «карасей» приводили к дороговизне и дурному качеству шёлковой пряжи¹¹⁶.

Если итальянская шёлковая пряжа была превосходного качества, то пряжа, приготовлявшаяся «карасниками» из брусского, иранского и в особенности из закавказского шёлка, не стояла на должной высоте и резко отрицательно отражалась на производстве гладких тканей.

Передовые петербургские фабриканты шёлка употребляли поэтому для производства гладких тканей исключительно итальянскую пряжу¹¹⁷.

Московские же фабриканты на основу употребляли итальянский шёлк, а на уток — вследствие дороговизны итальянского — брусский, иранский или закавказский.

В связи с таким положением дела необходимо было принять меры к обеспечению шёлковой промышленности доброкачественным сырьём. Поэтому, с одной стороны, происходит усиление ввоза итальянской пряжи с конца 20-х годов¹¹⁸, что было невыгодно шёлковым фабрикантам, с другой — возникают два новых положительных явления.

Шёлковые фабриканты Рогожины, инициаторы применения машины Жакарда, впервые ввели на своей фабрике во Фрянове и механическое прядение шёлка¹¹⁹.

Кроме того в 1823 г. в Тбилиси было основано шёлкомотальное заведение Кастелла, который ставил своей задачей мотание закавказского шёлка по европейскому методу¹²⁰.

¹¹⁶ «Коммерческая газета» № 123 за 1839 г.; № 91 за 1842 г.; «Журнал мануфактур и торговли» за 1844 год. Ч. I, отд. 2, стр. 133, 135.

¹¹⁷ «Журнал мануфактур и торговли» № 1—2 за 1850 г., стр. 101—102.

¹¹⁸ «Косударственная внешняя торговля в разных её видах».

¹¹⁹ «Журнал мануфактур и торговли» № 3 за 1830 г., стр. 85.

¹²⁰ Ф. Департамента мануфактур и внутренней торговли, отд. 1, стол 1, 1823 г., д. № 22.

В шёлковой промышленности 20-х годов XIX в. мы заметили ряд нововведений: применение машин Жакарда при производстве узорчатых тканей, введение механического прядения шёлка и другие мероприятия, касающиеся улучшения качества сырья.

Таким образом, в конце 20-х годов в текстильной промышленности Москвы произошёл заметный сдвиг. К этому времени относится появление первых фабрик, введение первых машин и паровых двигателей.

На основании вышеизложенного материала можно сделать выводы:

1. В первые полтора десятилетия XIX в. происходил процесс быстрого роста хлопчатобумажной промышленности, вытеснившей шёлковую и полотняную промышленность; процесс этот, определявшийся, с одной стороны, причинами развития хлопчатобумажной промышленности в общеевропейском масштабе и условиями развития отдельных отраслей промышленности в феодально-крепостнической России, с другой стороны, зависел от внешнего и внутреннего политического положения России и от связанной с этим положением таможенной политики царизма.

2. За два первых десятилетия XIX в. текстильные предприятия Москвы сложились в типичные мануфактуры, достигавшие иногда чрезвычайно крупных размеров и находившиеся в подавляющей своей части в руках русской буржуазии. Мануфактуры эти применяли вольнонаёмный труд и были рассчитаны на сбыт на частном внутреннем рынке. Они были основаны на ручном труде.

3. Вторая половина 20-х годов характеризуется началом применения машин и паровых двигателей. Мануфактура делает первый шаг по пути к фабрике. При изучении этого явления возникает вопрос о промышленной революции в России, но мы не можем пытаться разрешить этот вопрос на основании изложенного в статье материала, вследствие хронологически ограниченных рамок работы.